

РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ: ВОЗМОЖНО ЛИ ПРЕОДОЛЕТЬ ЗАМКНУТЫЙ КРУГ ИСТОРИИ?

В.Г. НАЙМУШИН

доктор экономических наук, первый заместитель генерального директора — директор по экономике открытого акционерного общества «Всероссийский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт электровозостроения»

© Наймушин В.Г., 2004

Итоги недавно состоявшихся парламентских и президентских выборов недвусмысленно свидетельствуют о том, что российский либерализм переживает глубокий кризис. Воздействие праворадикального крыла на проводимую в стране экономическую политику в последнее время заметно ослабло. Нет сколько-нибудь заметных признаков результативного влияния на общую ситуацию в стране и блока крайне левых и левоцентристских партий. По существу, в сложившихся после выборов условиях бремя ответственности за результаты осуществляемых в стране реформ всецело ложится на политические силы, консолидировавшиеся под флагом «Единой России». Очевидно и другое: ближайшее четырехлетие должно дать внятный ответ на вопрос: будет ли избранный курс рыночных реформ продолжен, существенно скорректирован или вообще заблокирован?

Известно, что в обстановке яростной борьбы с идеологией государственного тоталитаризма либеральные идеи получили в нашей стране (как и в других европейских социалистических странах) распространение и, как многим тогда казалось, широкое признание. Экономический либерализм, став концептуальной основой «демонтажа» централизованного планового хозяйства и начала рыночной трансформации общества, оказался востребованным. На фоне унылой действительности «развитого социализма» (хронический товарный дефицит, уравниловка в распределении, всеобщая инфантильность и т.д.) либеральные ценности в конце 1980-х — начале 1990-х гг. смотрелись свежо и привлекательно. Однако вскоре попытки использовать на практике либерализм не только как силу, способную преодолеть предрассудки этатистской идеологии, но и как инструментальный осуществлению альтернативной экономической полити-

ки привели к неоднозначным результатам. Страны Восточной Европы и Балтии, встав на путь радикальных преобразований, не сомневались в правильности сделанного выбора, сравнительно быстро оценили преимущества частной собственности и конкуренции, добились стабилизации, унифицировали по европейским образцам свои экономические и политические институты, и весной 2004 г. вступили в Европейский Союз. Напротив, в России, Украине и других постсоветских государствах итоги ускоренной масштабной приватизации и либерализации оказались плачевными. По официальным данным, за десятилетие реформ ВВП России уменьшился на 40%, объем промышленного производства — на 50%, инвестиции — на 80%; усилилось отставание от ведущих стран по уровню производительности труда; вдвое возросла безработица — с 3,6 млн чел. в 1991 г. до 7,2 млн чел. в 2000 г.; численность занятого в экономике населения уменьшилась, соответственно, с 73,8 до 67,8 млн чел., а численность людей с доходами ниже прожиточного минимума возросла более чем в 8 раз (с 6,1 млн чел. в 1991 г. до 50,8 млн чел. в 2000 г.) [4, с. 11; 10, с. 417].

Политические партии, боровшиеся между собой на выборах, по-разному пытаются объяснять причины столь неутешительных результатов проводимых в стране реформ, тогда как в сознании абсолютного большинства избирателей преобладают разочарование, растерянность и скептицизм высокой пробы. Представляется, что глубинную первопричину столь разительных контрастов либеральных реформ последнего десятилетия XX в. следует искать не столько в особенностях текущей экономической и социальной политики, сколько в специфике культурной среды, исторических традиций и ценностных ориентаций народов различных стран. В сравнении со странами Восточной Европы и прибалтийскими государствами преодоле-

ние исторически сложившихся стандартов хозяйственного поведения (что, собственно, и составляет суть рыночной трансформации общества) на постсоветском пространстве оказалось неизмеримо более сложной задачей, решение которой, судя по всему, потребует от России гораздо больше времени, усилий и энергии. Подобная точка зрения в последнее время находит все большее признание среди экономистов, философов, социологов, политологов, политиков и т.д. [2; 3; 7; 9].

Опыт экономического реформирования в современной России явно указывает на необходимость проводить различие между либерализмом как идеологией и либерализмом как практической политикой. Одно дело идейное и политическое обоснование необходимости слома административно-командной системы, и другое дело — действительная трансформация экономических отношений в стране, не располагающей к моменту начала реформ прочными рыночными традициями, предпосылками предпринимательства. Перевести либеральную идеологию в плоскость рациональной ответственной политики — задача, которая в начале 1990-х гг. стояла перед лидерами демократических партий и с которой последние не справились. Отчасти потому, что погрязли в дискуссиях и внутренних «разборках», но, главным образом, потому, что, ломая привычный для миллионов людей уклад жизни, не компенсировали потери новыми, более рациональными формами ее организации и регулирования. Несмотря на громкие обещания, в экономике России возобладали деструктивные процессы, грозившие политической дезинтеграцией страны. В этих условиях праворадикальные силы, шедшие в авангарде идейной борьбы с партийно-советским тоталитаризмом, стали стремительно утрачивать общий язык с народом собственной страны. После выборов в результате острой полемики этот вывод

одной частью демократов был принят, но отвергнут другой, что в итоге и привело к глубокому расколу в рядах либеральной коалиции.

Фактом является то, что система либеральных ценностей¹ исторически сложилась и развивалась преимущественно в странах-лидерах современного мира, раньше других вставших на путь индустриально-рыночного хозяйства, а теперь растающих в эпоху постиндустриальной цивилизации. Но это отнюдь не доказывает, что стремление к свободе, благосостоянию, динамичному развитию составляет исключительную прерогативу лишь этой группы стран, что все другие государства изначально обречены на консервацию традиционных форм организации хозяйственной и общественной жизни. В начале третьего тысячелетия мы имеем дело с общим и достаточно устойчивым стремлением к прогрессу народов всех без исключения стран. Поэтому освоение либеральных ценностей, а также соответствующих принципов и стандартов рационального хозяйствования является не частной, а общей социально-экономической проблемой нашего времени. Особую остроту данная проблема приобрела в странах, которые столкнулись с необходимостью преодолеть тяжелое наследие административно-командного управления, устранить механизмы нарушения прав и свобод граждан, создать условия и гарантии развития экономической и политической демократии². При решении этой задачи прямое копирование опыта западноевропейского капи-

тализма и адекватной ему хозяйственной идеологии (по терминологии М. Вебера — «духа капитализма») не может дать желаемых результатов. Россия, столетиями испытывавшая на себе гнет всеобъемлющего государственного администрирования, находится в несколько иной системе социально-экономических координат, имеет иной опыт исторического развития. На нынешнем этапе наша страна ищет выход из своеобразного замкнутого круга, природу которого можно выразить следующей формулой: социальная нищета порождает несвободу, а всеобщая зависимость от чиновничьего произвола лишает граждан возможности экономического самоопределения, т.е. возможности преодолеть собственную бедность.

Страна постоянно живет в ожидании кардинальных перемен, но преобразования всякий раз не дают желаемых результатов, не выводят общество к новому качественному состоянию. Все прогрессивные реформы в нашей стране начинаются во имя преодоления социальной нищеты и несправедливости, но вскоре выдыхаются и сходят на нет, не приводя к существенным переменам в жизни большинства населения; это касается и уровня жизни людей, и степени обеспечения их гражданских прав и свобод. Несмотря на усилия, прилагаемые реформаторами, цикл «бедность — несвобода — бедность» всякий раз загадочным образом воспроизводится.

Можно ли вырваться из этого порочного замкнутого круга всем нам, или из него следует «выпрыгивать» по одиночке, делая выбор в пользу добровольной эмиграции? Но людей, сумевших получить в России солидное современное образование, способных по своим профессиональным и деловым качествам успешно конкурировать на зарубежных рынках труда и психологически готовых уехать из страны насовсем, не так уж и много. Как быть миллионам остальных российских граждан, которых

¹ Под ценностями в данной статье подразумеваются объединяющие идеи той или иной исторически сформировавшейся культуры, или культурные концепты [6].

² «Чем дальше, — замечает Е. Ясин, — тем больше становится понятным: модернизация не стронется с места, пока не начнутся реальные изменения в системе ценностей, в неформальных институтах, в культуре» [9, с. 7].

никто за границей не ждет? Прозябать, довольствуясь малым, наблюдая со стороны переход западного общества к постиндустриальной цивилизации, или все же действовать? Тогда как определить главное звено, ухватившись за которое «всем миром», можно вытащить цепь накопившихся проблем российской жизни?

Главный урок начального этапа реформ, думается, так до конца и не усвоенный реформаторами последнего десятилетия, заключается в том, что преобразования, идущие «сверху», но не получающие инициативной массовой поддержки «снизу», неизбежно будут обречены на дискредитацию и провал. Просвещенность реформаторов, их убежденность и, возможно, искреннее желание довести начатое дело до конца не могут восполнить отсутствие прочной социальной базы проводимых реформ. Есть основания полагать, что российская модель рыночных преобразований в 1990-е годы потерпела фиаско, главным образом, потому, что не сумела аккумулировать и эффективно использовать созидательный потенциал, творческие силы и энергию нашего народа.

Быстро осознав то, что главными выгодополучателями криминально-олигархического разгосударствления оказываются «теневые» структуры и коррумпированное чиновничество, подавляющее большинство российских граждан явно разочаровалось в реформах, утратило доверие к проводимой политике. Новые социальные ценности (такие как свобода, независимость, инициативность, личный успех и благополучие), изложенные в программных документах либеральных партий, так и не трансформировались в реально ощутимые населением результаты экономических преобразований. Как показали социологические исследования последних лет, либеральные ценности и институты в постсоветской России не выполняют функ-

цию системной интеграции индивидов в гражданское общество. В мотивационной структуре большинства россиян (особенно лиц старшего и среднего поколения) по-прежнему доминируют традиционные русские ценности (такие как духовность, бескорыстие, артельность, самопожертвование, справедливость, сильное государство) в сочетании с ценностными ориентациями советского времени (коллективизм, сотрудничество, взаимопомощь, разделение целей государства, идеализм, склонность к масштабным проектам, мужество, энтузиазм, нестандартность решений, патернализм)³. В. Лопухин, положивший своей статьей в журнале «Эксперт» в 2000 г. начало дискуссии вокруг программы Г. Грефа, считает, что для экономического роста нужна продуктивная система ценностей, а мы таковой в силу исторических причин не обладаем [3]. Представляется, что это в чем-то справедливое замечание все же не следует абсолютизировать.

Бесспорно то, что мы — граждане России — такие же, как и окружающая нас культурная среда, поскольку эту среду мы унаследовали исторически и воспроизводим в своей сегодняшней практике. Наши предпочтения и ценностные ориентации вновь и вновь репродуцируются, что вполне естественно. Доминирующая в обществе модель хозяйственного мышления и поведения людей складывается не сама по себе, не на пустом месте, а формируется в рамках национальной исторической традиции, корнями уходит в своеобразную культуру народа и произрастает из нее. И как бы мы искренне не желали, про-

³ Социологическое исследование, проведенное в конце 2002 г. по стандартной методике ВЦИОМ под руководством И. Клямкина, дало следующие результаты: традиционные ценности преобладают у 29,6% российских граждан, советские разделяют 24,9%, либеральные доминируют у 39,0% [9, с. 17–31].

возгласив демократические реформы, тут же начать работать и жить по-новому (например, по-европейски или по-американски), инерция национальной истории и культуры, сам сложившийся уклад жизни будут лишь обнажать и по-срамлять нашу юношескую наивность. Как гласит народная мудрость, захотели крестьяне сходить в город, а оказалось, что вместо этого бродили они по кругу вокруг своей деревни, сами того даже не подозревая.

Может показаться, что при подобном пессимистическом взгляде вся история российского реформаторства должна оцениваться не иначе как бесконечное бессмысленное, но вместе с тем мучительное движение по замкнутому кругу. Но действительно ли мы обречены лишь на повторение прежнего опыта и прежних заблуждений? Действительно ли мы никогда не сумеем разорвать абсурдный заколдованный круг, в котором нет иных средств успокоения души, кроме традиционного горячительного напитка да частных бесед с близкими и друзьями на кухне? Неужели подлинная суть всех проводившихся в России реформ сводится к некоей национальной забаве, в чем-то напоминающей шумную круговую езду дрессированных медведей на мотоцикле в балаганном цирке-шапито?⁴ Должны ли мы смириться со своей незавидной судьбой или обязаны пытаться изменить ее, учитывая опыт других стран? Наконец, можно ли найти в багаже отечественной истории и культуры нечто непреходящее, весомое и притягательное, что вселяет оптимизм и укрепляет желание изобретать и работать по-настоящему?

Думается, что есть. Этот феномен можно определить как естественную неискоренимую тягу наших людей к

единению, конструктивному сотрудничеству, поиску и мобилизации всех имеющихся в стране материальных и интеллектуальных ресурсов во имя модернизации и развития отечественной экономики и культуры⁵. Близкие аналоги общенациональной консолидации несложно проследить как в мировой экономической истории и культуре, так и в опыте развития современных государств. Так, например, в своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер (1864–1920), используя статистические данные прошлого, показывает активную объединительно-прогрессивную роль духовных ценностей протестантизма, способствовавших в период Реформации (XVI в.) утверждению этических норм и хозяйственного уклада стран Западной и Центральной Европы⁶. «Дух капитализма», понимаемый Вебером как специфическая идеология буржуазного хозяйственного ук-

⁵ В. Лопухин, автор острополемичной статьи «Почему мы бедны?», счел необходимым дать ей весьма красноречивый подзаголовок: «В мире нет законов, обрекающих Россию на вечную нищету» [3, с. 37]. И вся последующая дискуссия, как известно, развернулась вокруг этой ремарки.

⁶ «Современный капиталистический хозяйственный строй – это чудовищный космос, в который каждый отдельный человек ввергнут с момента своего рождения и границы которого остаются, во всяком случае для него как отдельного индивида, раз навсегда данными и неизменными. Индивид в той мере, в какой он входит в сложное переплетение рыночных отношений, вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения; фабрикант, в течение долгого времени нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним. Таким образом, капитализм, достигший господства в современной хозяйственной жизни, воспитывает и создает необходимых ему хозяйственных субъектов – предпринимателей и рабочих – посредством экономического отбора» [1, с. 76–77].

⁴ А. Кончаловский свое предисловие к русскому переводу книги Л. Харрисона «Кто процветает?» озаглавил следующим образом: «Культура – это судьба» [7].

лада, исторически формировался в недрах протестантской религиозной этики и в конечном счете оказал решающее (а по сути, революционизирующее) влияние на повсеместное распространение отношений и институтов капиталистического предпринимательства в европейских странах (Германии, Англии, Нидерландах, Франции и др.), позднее — в Северной Америке.

Это ценное наблюдение Вебера уместно подчеркнуть в виду его особой методологической важности для более адекватного восприятия нынешнего состояния современной российской экономики. Дело в том, что компенсировать отсутствие реальных внутренних источников накоплений, необходимых для обновления производственного аппарата и обеспечения устойчивого роста экономики, сегодня в известной мере может лишь рациональное использование сил, созидательной энергии, предприимчивости и творческой инициативы всех слоев общества. Способности российского человека к крайнему напряжению сил во имя достижения высокой социально значимой цели хорошо известны и исследованы [5, с. 26–28]. Эта отличительная черта русского национального характера есть наше огромное преимущество, наш традиционный, не до конца истраченный ресурс, на который в критических ситуациях неизменно рассчитывает и каждый раз не применит проэксплуатировать государство. Об этом приходится говорить, но не для того, чтобы начать очередной виток движения общества по кругу, а для того, чтобы, извлекая уроки первого этапа реформ, сдвинуться с мертвой точки, определить и задействовать социальные механизмы, способные преобразовать движение по замкнутой круговой траектории в движение восходящее, спиралевидное.

Скептиков на сей счет у нас предостаточно. Выражая общие настроения застойного времени, поэт-диссидент

Н. Коржавин остроумно подметил, что в России ни Герцена, ни Чернышевского, ни кого бы то ни было «нельзя будить», ибо энергия «пламенных революционеров» в беспробудно спящей стране способна приносить лишь все новые и новые страдания. Так-то оно так, да только не получается! Откуда ни возьмись каждый раз появляются у нас прожектеры-реформаторы, возбуждающие брожение в умах. Почему так происходит? Могли бы соотечественники, руководствуясь здравым смыслом и «жизненной опытностью», взять да и не заметить сомнительные инициативы? Почему в начальной фазе очередной реформы люди откликаются? Да очень просто: потому, что не может (!) российский народ (а он и творец, и одновременно жертва своей судьбы) примириться с тем, что «колесо жизни» катится и катится по наезженной колее «заколдованного круга». Даже убежденный западник-вольнодумец П.Я. Чаадаев, исповедовавший, как принято считать, созерцательное отношение к жизни, нет-нет, да и сам начинает отступать от своих же принципов. В «Философических письмах», написанных в 1828–1831 гг., Чаадаев не только отмечает существенное отличие культурных традиций католической Европы и православной России, но и отстаивает необходимость поиска особого пути развития для России⁷. Будоражит его мысли и чувства и поныне узнаваемая судьба Отечества: «...Пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в истории разумного существования... В этом, на-

⁷ Чаадаев не просто «западник», а «западник» глубокий, размышляющий о будущем *своего Отечества*; и борется он со «славянофилами» достаточно разумно и аргументированно, полагая, что «у нас другое начало цивилизации, чем у этих (читай, европейских. — В.Н.) народов», и что поэтому необходимо спокойно разобраться в том, «что нам подобает заимствовать у Европы и что должно остаться чуждым» [8, с. 374, 230].

верное, отчасти повинна наша непостижимая судьба. Но есть здесь еще, без сомнения, и доля человеческого участия, как во всем, что происходит в нравственном мире» [8, с. 32]. Европа, констатирует русский просветитель, обретя «свободу и благоденствие», прогрессирует [там же, с. 36]. Иначе складывается судьба России. Под впечатлением поражения в Крымской войне Чаадаев пишет: «В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения и порабощения всех соседних народов» [там же, с. 19]. Душа русского дворянина восстает против того, что в его стране «рабство» (несвобода. — *В.Н.*) и «проклятая действительность» (бедность, произвол власть имущих, отсутствие четких правил поведения. — *В.Н.*) [там же, с. 25, 150, 399] образуют бесконечный замкнутый круг⁸.

Приходится вновь задумываться: каковы причины возникновения порочного кругового движения в рамках системы внеэкономических отношений; вокруг каких общественно значимых целей может произойти не иллюзорно-буафорская, а подлинная консолидация современного российского общества; и наконец, какие силы способны эффективно реализовать ее на практике, чтобы избежать новых рецидивов бессмысленной гражданской конфронтации?

Представляется, что истоки неудач большинства реформаторских начинаний связаны у нас с двумя основными факторами российской истории. Первый из них — государственный деспотизм, порождающий и воспроизводящий рабоподобное отношение к власти. В России, замечает Чаадаев, все успешные на-

⁸ Если история — это «лестница Иакова», то Россия не поднимается по ее ступеням, а только повторяет свой прежний опыт, двигаясь в замкнутом круге одних и тех же социальных проблем и страстей [там же, с. 18].

чинания (реформы Петра I) проистекают от верховной власти, а долгом каждого гражданина считается верноподданническое к ней отношение⁹. За исторически сложившееся глубокое искреннее единение народа со своим князем-защитником впоследствии пришлось расплачиваться духом «самоотречения» народа, культом политических вождей и произволом власти, отсутствием гражданского общества и конструктивных гражданских инициатив «снизу». Традиционный патернализм во взаимоотношениях государя и подданных утвердил «смирность» и «безусловную покорность властям» как высшую православную добродетель¹⁰. Жестоко подавленные царскими войсками восстания, возглавляемые казачьими атаманами Степаном Разиным, Кондратием Булавиным и Емельяном Пугачевым, оставили глубокие шрамы в исторической судьбе и памяти нашего народа, но кардинально не изменили общий уклад жизни. До сих пор многие наши сограждане, сталкиваясь с произволом, предпочитают искать справедливость не в законе и не в суде, а «под отеческой властью непосредственного начальника» [8, с. 429].

Столь же существенное значение для понимания специфики российского

⁹ «Посмотрите от начала до конца наши летописи — вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти... и почти никогда не встретите проявлений общественной воли» [там же, с. 156].

¹⁰ «К тому же в русском народе есть что-то неотвратимо неподвижное, безнадежно нарушаемое, а именно — его полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет... Установленная власть всегда для нас священна... Всякий государь, каков бы он ни был, для него — батюшка. Мы не говорим, например, я имею право сделать то-то и то-то, мы говорим: это разрешено, а это не разрешено. В нашем представлении не закон карает провинившегося гражданина, а отец наказывает непослушного ребенка... Идея законности, идея права для русского народа бессмыслица...» [там же, с. 202–203].

уклада жизни и особенностей национального характера имеет географический фактор: обширные слабонаселенные территории, суровые природно-климатические и погодные условия, необходимость вести постоянную борьбу с многообразными внешними угрозами, огромные ресурсы, неразвитость коммуникаций, низкоэффективный ручной труд и т.д. Долготерпение народа в сочетании со скромными запросами и аскетическим образом жизни в агрессивной окружающей среде способствовали формированию жесткой системы внеэкономических взаимоотношений (кровнородственных, патриархальных, крепостнических, общинных, личностных, должностных, ведомственных, клановых и т.п.). В отличие от рыночных, отношения внеэкономической зависимости изначально предполагают жесткую институциональную регламентацию хозяйственного поведения людей и фискальную финансовую политику. По сравнению со странами Западной и Центральной Европы, в нашей стране возможности выбора способов экономического самоопределения и политического волеизъявления всегда были весьма ограниченными. Поэтому, разрабатывая программы рыночной трансформации экономики и демократизации общества, это существенное обстоятельство нельзя недооценивать, ибо в нем представлены основания национальной экономической генетики, передающейся из поколения в поколение в течение всей многовековой истории России.

Нельзя не признать, что традиционный (общинный) уклад жизни, традиционное отношение россиян (впрочем, как и народов ряда других славянских стран) к труду и накоплению богатства плохо стыкуются с ценностными ориентациями частного предпринимательства. Вебер справедливо констатирует: «...Едва ли требует доказательства то утверждение, что концепция наживы как самоцели, как “призвания” противоре-

чит нравственным воззрениям целых эпох» [1, с. 91]. Не вызывает сомнения, что усматривать в этой концепции объединяющую общенациональную идею было бы явной нелепостью. Вместе с тем поступательное продвижение в направлении стабилизации, упорядочения условий российской жизни, постепенное окультуривание и рационализация всех ее сторон являются едва ли не главным вызовом нашего времени.

Глубоко религиозная (если не сказать, мистическая), а по сути — конструктивная идея «призвания», пронизывающая протестантскую религию и этику, в свое время подготовила нравственную среду для формирования «духа капитализма»¹¹. Вебер отмечает: «Она (идея призвания. — *В.Н.*) превратилась в систематически разработанный метод рационального жизненного поведения, целью которого было преодоление *status naturae*, освобождение человека от иррациональных инстинктов, от влияния природы и мира вещей и подчинение его жизни некоему планомерному стремлению, а его действий — постоянному самоконтролю и проверке их этической значимости...» [1, с. 154–155]. Идея полной и систематической самореализации в труде либо в предпринимательстве, сформулированная протестантизмом как идея о необходимости постоянно искать «подтверждение своей веры в мирской профессиональной деятельности» [там же, с. 157], может служить наглядным подтверждением принципа единства (в терминологии Вебера — адекватности) норм духовной и материальной жизни.

Правда, понять (а тем более внутренне принять) эту естественную взаимо-

¹¹ Согласно протестантской этике, «выполнение мирских обязанностей служит при любых обстоятельствах единственным средством быть угодным Богу, что это — и только это — диктуется божественной волей и что поэтому все дозволенные профессии равны перед Богом» [там же, с. 98].

связь материальных и духовных факторов предпринимательства в качестве императивной нормы выстраивания бизнеса сегодня готовы далеко не все. Прежде всего, далеки от этого коммерсант-натуровориши, обнаруживающие в своих заветных помыслах и действиях комплекс «временщиков» и сумевшие выучить только одно правило: «Надо успеть урвать и удрать!» Тем не менее нарождающийся в России экономический рационализм и рыночный отбор хозяйствующих субъектов рано или поздно расставят все по своим законным местам. Ведь современная Россия не живет за «железным занавесом», не выпадает из активно протекающих интеграционных процессов, в различных формах участвует в международном экономическом и научно-техническом сотрудничестве, образовательном и культурном обмене.

В период работы над «Протестантской этикой» веберовский интерес к религии первоначально ограничивался вопросом о том, какую роль сыграло изменение религиозной этики, обусловленное возникновением и развитием протестантизма, в становлении современного капитализма и, шире, — в проведении в жизнь принципа рациональности. Глубже изучив эту проблему, Вебер пришел к пониманию того, что «путь рационализации» — есть судьба европейской цивилизации и, в конечном счете, всего человечества, которой невозможно избежать¹². Россия в этом отношении не составляет какого-либо исключения; постепенно интегрируясь в мировое экономическое пространство, мы неизбежно будем и дальше приоб-

щаться к определенным видам и стандартам практически-рационального жизненного поведения, тем самым вписывая свою национальную судьбу в общую судьбу человечества. По-существу, в данном случае речь идет не о том, идти ли нам или не идти по пути рационализации хозяйственного строя и повышения эффективности экономики, а о том, как, каким образом, какими темпами и в каких формах следует продолжать рыночную трансформацию экономических отношений и институтов. На наш взгляд, реализм сегодня заключается в признании того, что основные ныне существующие национальные экономические культуры, подобно рекам, причудливо преломляясь в своем поступательном движении, спускаются с гор и долин своей уникальной истории и в итоге закономерно впадают в европейский, а теперь уже и общемировой океан современного рационализма.

Учение о формальной рациональности¹³ — это, по существу, оригинальная веберовская теория возникновения и развития современного капитализма. Вебер ранее других зафиксировал и по достоинству оценил общий вектор трансформации традиционных хозяйственных укладов и национальных культур. В предисловии к «Протестантской этике» П.П. Гайденко пишет: «Марксово учение о преодолении капитализма

¹² По мнению М. Вебера, «хозяйственная деятельность *действительно* ориентирована на сопоставление дохода и издержек в денежном выражении, как бы примитивно это ни совершалось». Никакого успешно функционирующего капиталистического предприятия не может быть «без рациональной бухгалтерской отчетности» [1, с. 49, 51].

¹³ Формальная рациональность в веберовском понимании — это рациональность ни для чего, рациональность сама по себе, рациональность, служащая исходным принципом и абстрактным воплощением «духа капитализма». Он обосновывает формальную рациональность как всеобщую и универсальную калькулируемость всего, что поддается количественному учету, как самоцель любого социального действия, будь то область экономики, политики, науки, культуры или религии, как сознательно выстраиваемый образ чувствования, мышления и поведения, т.е. как целостный образ жизни в условиях индустриально-рыночной цивилизации.

и о возможности создания нового типа общества — общества социалистического — Вебер считает утопией; он не склонен идеализировать буржуазный мир, но не видит ему никакой альтернативы» [1, с. 39].

Весь драматизм заключается в том, что современная Россия все еще не готова принять капитализм как универсальную жесткую безличностную систему формальной рациональности в ее зрелом, завершенном виде. Именно поэтому известные давно либеральные ценности и стандарты рыночного поведения с большим трудом приживаются на нашей национальной почве. Именно поэтому старый афоризм «Что русскому хорошо, то немцу — смерть!» по-прежнему не утратил своего рационального смысла и эмоциональной привлекательности. Но дело не только в этом. Фактически наши реформаторы не столько продвинули либеральные ценности в Россию, сколько, не желая того, во многом дискредитировали их в глазах большинства россиян. Их прямая вина заключается в том, что в проводившейся все 1990-е гг. политике без ответа оставался ключевой вопрос: каким образом реформы встраиваются в существующее общество? Вместо этого обществу было рекомендовано не оглядываться и постараться не задерживаться на опасном участке. Итоги пренебрежительного отношения к острым жизненным проблемам всем известны. Уйти далеко не удалось: избиратели проголосовали против недостаточно обоснованных прожектов и безответственных обещаний¹⁴.

Есть все основания утверждать, что политика спонтанной адаптации пред-

приятий к неорганизованному, плохо регулируемому рынку, преподносимая идеологами радикальных реформ как панацея от застоя, на практике обанкротилась, оказалась погоней за ложной целью. Все последние годы отечественные предприятия (как государственные, так и негосударственные) всецело были заняты вопросами каждодневного выживания; большинство из них сумело удержаться на плаву, главным образом, благодаря «проеданию» бывшей госсобственности и сегодня не имеет продуманной стратегии развития. Отечественная промышленность, как и в целом экономика страны, оказалась отброшена на несколько десятков лет назад.

Тем не менее продолжать экономические реформы, а значит, постепенно ставить соотечественников во все более жесткие условия, вынуждающие работать рационально и эффективно, необходимо. Сама «невидимая рука» истории подводит россиян к необходимости конвертировать исконно присущую нам лихость и отчаяние в систематическое упорство в достижении рациональных жизненных целей. Всем нам необходимо стремиться упорядочивать свою профессиональную деятельность и образ жизни в целом, учиться принимать во внимание многочисленные естественные ограничения, вести точный систематический учет всех доходов и расходов, регулярно платить налоги, уважать законодательство и этические нормы делового общения, права и интересы хозяйственных партнеров. Без сомнения, решение всех этих задач является настоятельной необходимостью, и против этого трудно что-либо возразить. Только делать это власть должна не топорно, не суетливо, не отворачиваясь цинично от насущных повседневных забот граждан, а грамотно и ответственно, совершенствуя действующее законодательство, ведя результативную борьбу с преступностью, точно определяя приемлемую меру централизации и либерализа-

¹⁴ И как тут не вспомнить все того же П.Я. Чаадаева, который, будучи движим своим «национальным инстинктом», как будто в воду глядел, предупреждая своих будущих единоверцев: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники» [8, с. 213].

ции экономической жизни общества. Только в этом случае «дух капитализма», как система общепризнанных принципов и этических норм свободного предпринимательства, будет не раскалывать, не взрывать, а консолидировать общество, «оздоравливая» деловую среду и одновременно раскрепощая способности и хозяйственную инициативу людей. Но для этого предметом совместной заботы государства и общества должны быть не иллюзорные, а близкие и понятные всем гражданам проблемы, такие как борьба с бедностью, улучшение экологии и здоровья нации, борьба с коррупцией и криминалитетом, развитие отечественной промышленности, науки, образования и культуры. Действуя осторожно, принимая во внимание встречную реакцию общества на очередные изменения правил поведения, власть должна убеждаться в правильности (либо ошибочности) решений, призванных адаптировать рыночные новации к традиционному укладу российской жизни и ценностям национальной культуры. Не хватает для этого одного сущего «пустяка»: постоянного диалога общества с властью, дополненного гласным общественным контролем за работой чиновников всех уровней¹⁵. Не будет преувеличением сказать, что сегодня без значительного расширения радиуса доверия между обществом и государством, между бизнесом и властью нельзя рассчитывать на успех реформ.

В структуре наличных социокультурных ценностей предстоит определить те из них, которые созвучны либо близки либеральным и которые могут помочь адаптировать рыночные отношения и институты на почве нашей национальной культуры. В условиях, сложившихся

¹⁵ Не об этом ли хотел во весь голос сказать своему народу и своему императору «безумный» Чаадаев: «Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии» [8, с. 146].

к началу XXI в., гораздо важнее и полезнее не педалировать конфликт ценностей (а он, на наш взгляд, имеет место быть), а находить возможные точки соприкосновения различных культур и на этой основе осуществлять трансформацию общества, заботясь прежде всего о сохранении и приумножении научно-технического, экономического, культурного и духовно-нравственного потенциала страны.

Положительный опыт китайских реформ в огромной степени объясняется тем, что правительство смогло ясно и понятно донести до массового сознания людей основные цели, задачи реформ, способы их решения. Смысл всех преобразований с самого начала носил глубоко гуманистический характер. Первый их этап был определен кратко и понятно — «накормить и обогреть людей». Все силы и средства были брошены на увеличение производства продуктов питания, одежды, обуви. После голода и разрухи, оставшихся в наследство от периода «великого скачка», люди воспряли духом, поверили своим руководителям и взялись за дело с истинным китайским трудолюбием. Уже к началу 90-х гг. прошлого века задачи первого этапа были решены. Так с самого начала реформ в стране сложилась особая атмосфера доверия, взаимной лояльности между государством и населением. В результате китайцы совершили «чудо», когда сумели соединить государственную собственность и аренду, плановые и рыночные механизмы регулирования, общенациональные интересы и частное предпринимательство, тем самым опрокинув идеологические шаблоны, исповедовавшиеся ортодоксальными марксистами и столь же догматичными либералами. Уже сейчас экономика Китая дает 10% от мирового ВВП и продолжает динамично развиваться. Китайцы хорошо знают, что ждет их страну и каждого в отдельности впереди, какие задачи для этого необходимо решать, и

эта идеологическая прозрачность их действительно объединяет в честном и добросовестном труде.

Упорству и последовательности в осуществлении курса реформ нам — россиянам — следует учиться у Китая, Турции, Сингапура, Польши, Испании и у других стран, продвигающихся к эффективной социально-ориентированной экономике своим собственным национальным курсом. Не обманываясь и не впадая в эйфорию от успехов последних двух-трех лет, нам следует быть готовым к тому, что в результате осуществления более взвешенной, растянутой во времени экономической программы на выходе мы все же не получим классической западноевропейской модели рационально организованной экономики. У России свой исторический опыт, свои стартовые условия реформ, своя траектория развития в современном мире¹⁶. Однако благодаря таким прагматичным реформам граждане России, очевидно, смогут выстроить более жизнеспособную национальную экономику, более упорядоченный образ жизни, в котором определены правила и стандарты поведения, обязательные для всех без исключения и, что самое главное, уважаемые всеми, включая государство. Нам нужны прозрачные условия доступа к природным ресурсам и справедливая плата за пользование ими, продуманная промышленная политика, крупные инвестиции в модернизацию наукоемких отраслей, внятная политика доходов, исключая 10-крат-

ный разрыв в уровне оплаты труда в столице и регионах, и наконец, стране очень нужны упорядоченные взаимоотношения бизнеса и государства, исключая неофициальную «близость» и «любовь» отдельных предпринимателей к чиновникам разных уровней власти.

Как гласит раннекапиталистический принцип, упоминаемый М. Вебером: «Honesty is the best policy», что в переводе на русский означает: «Честность — наилучшая политика» [1, с. 282].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 76–77.
2. Ингард Р. Культура и демократия // Культура имеет значение. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
3. Лопухин В. Почему мы бедны? // Эксперт. 2000. № 1–2.
4. Наймушин В.Г. Корпоративная собственность в трансформационной экономике. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2003. С. 11.
5. Прохоров А. Маятник русской души // Родина. 2004. № 4. С. 26–28.
6. Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.
7. Харрисон Л. Кто процветает? Препринт. 1992.
8. Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. М.: Правда, 1991.
9. Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4.
10. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. М.: ГУ–ВШЭ, 2002. С. 417.

¹⁶ Размышляя об участии сторонников либеральных идей в России и прежде всего о своей собственной, Чаадаев с грустью констатирует: «Русский либерал — бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это — солнце Запада» [8, с. 175].